

И. Ю. МАТВЕЕВА*, И. И. ЕВЛАМПИЕВ**

АВДОТЯ РОМАНОВНА РАСКОЛЬНИКОВА: К ВОПРОСУ О ЖИТИЙНЫХ ИСТОЧНИКАХ ПЕРСОНАЖА¹

В статье доказывается, что житийные источники, традиционно приводимые в исследовательской литературе для интерпретации образа Авдотьи Романовны Раскольниковой, недостаточны для полного осмысления его содержания; в этой связи обращено внимание на раннехристианскую мученицу св. Евдокию. В ее истории ясно показано, что сущность женщины — в красоте и в любви, но реализация этой сущности может быть очень разной. Женщина должна выбирать между греховной и праведной жизнью, и если она выберет праведную, то присущая ей сила любви может превратиться в божественную силу, которая способна отнимать жизнь у мужчины и дарить ему жизнь. Решившись выйти замуж за Лужина, чтобы обеспечить богатую жизнь себе и своим родным, героиня романа оказывается перед таким выбором. Преодолев соблазн греха, она обретает свою подлинную сущность и магическую власть над мужчинами; это наглядно выражено в сцене, где она может убить Свидригайлова, но дарует ему жизнь и направляет на путь добродетели.

Ключевые слова: Авдотья Раскольникова, житие святой Евдокии, сущность и предназначение женщины.

Характер Авдотьи Романовны Раскольниковой, сестры главного героя романа «Преступление и наказание», привлекал меньшее внимание исследователей в сравнении с другими женскими образами Достоевского. Это может показаться оправданным в связи с тем, что

* Инга Юрьевна Матвеева, канд. филол. наук, доцент кафедры литературы и искусства Российского государственного института сценических искусств, — inga.matveeva.spb@gmail.com.

Inga Yuryevna Matveeva, PhD, Associate Professor, Russian State Institute of Performing Arts — inga.matveeva.spb@gmail.com

** Игорь Иванович Евлампиев, д-р филос. наук, профессор кафедры русской философии и культуры Санкт-Петербургского государственного университета — yevlampiev@mail.ru.

Igor Ivanovich Evlampiev, Doctor of Science in Philosophy, St. Petersburg State University.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 18-011-90003 «Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф. Достоевского и в русской и европейской философии и литературе XIX — начала XX века».

в сюжете романа персонаж не занимает центральной позиции. На первый взгляд, повествовательная функция этого персонажа связана с социальной тематикой романа и актуальными общественными темами. В ряде эпизодов произведения обсуждается «женский вопрос» в роли одной из самых популярных тем публицистики 1860-х гг.: пытаюсь помочь Раскольникову «переводами», Разумихин предлагает ему статью для перевода под названием «Человек ли женщина?» (6, 88). Известно, что роман Достоевского является полемическим ответом писателя на «катехизис» молодежи 1860-х гг., роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», где столь важное место занимал вопрос о женской эмансипации. Работая над характером Авдотьи Раскольниковой, Достоевский разрабатывал вопрос о социальном и метафизическом предназначении женщины в новых пореформенных условиях².

Важные черты характера Дуни отражены в словах Свидригайлова, рассказывающего Раскольникову историю своих отношений с его сестрой: «Знаете, мне всегда было жаль, с самого начала, что судьба не дала родиться вашей сестре во втором или третьем столетии нашей эры, где-нибудь вачерней владетельного князика или там какого-нибудь правителя, или проконсула в Малой Азии. Она, без сомнения, была бы одна из тех, которые претерпели мученичество, и уж, конечно бы, улыбалась, когда бы ей жгли грудь раскаленными щипцами. Она бы пошла на это нарочно сама, а в четвертом и в пятом веках ушла бы в Египетскую пустыню и жила бы там тридцать лет, питаясь кореньями, восторгами и видениями. Сама она только того и жаждет, и требует, чтобы за кого-нибудь какую-нибудь муку поскорее принять, а не дай ей этой муки, так она, пожалуй, и в окно выскочит» (6, 365).

Эта характеристика, связывающая Дуню Раскольникову с мученицами раннего христианства, появляется в первых набросках замысла романа: «...сестрица-гувернантка в петлю пойдет, а братца выручит» (7, 52). В комментариях полного собрания сочинений к данному фрагменту упомянута св. Мария Египетская³. Сопоставление

² Нужно упомянуть и некоторые биографические детали, повлиявшие на формирование образа Дуни. Инфернальные красавицы романов Достоевского заставляют вспомнить историю любви писателя к Аполлинару Сусловой. Уже В. В. Розанов отмечал близость образа Дуни к Аполлинару (см.: *Сараскина Л. И.* Возлюбленная Достоевского: Аполлинурия Сулова: биография в документах, письмах, материалах. М., 1994. С. 387). Также в исследовательской литературе в качестве прототипа Авдотьи Романовны Раскольниковой называли Авдотью Яковлевну Панаеву (см.: *Назирова Р. Г.* О прототипах некоторых персонажей Достоевского // *Достоевский. Материалы и исследования.* Т. 1. Л., 1974. С. 207). В истории несостоявшегося брака Дуни и Лужина иногда видят отражение брака младшей сестры Достоевского Варвары и П. А. Карепина (см.: *Комарович В. Л.* Литературное наследство Достоевского за годы революции. Обзор публикаций 1917–1933 гг. // *Комарович В. Л.* «Весь устремление»: Статьи и исследования о Ф. М. Достоевском / Сост., отв. ред. и автор вступит. статьи О. А. Богданова. М., 2018. С. 481–482).

³ О значении образа Марии Египетской для русской литературы см.: *Климова М. Н.* К изучению житийной традиции в русской литературе XIX–XX веков // *Вестник ТГПУ.*

Свидригайловым сестры Раскольниковы с христианскими мученицами, по мнению Р.Г. Назирова, является аллюзией на житие св. Агаты (св. Агафии), им же, помимо этого, отмечена картина Себастьяно дель Пьомбо «Мученичество святой Агаты» (1520), которую Достоевский мог видеть в 1862 г. во Флоренции⁴. Б.Н. Тихомиров сделал к этим наблюдениям существенное дополнение: житие св. Феодулии, обратив внимание на существенное сходство двух текстов⁵.

Необходимо учесть, что Свидригайлов говорит о двух вариантах святой жизни, связанных с разными эпохами — с II–III вв. и с IV–V вв.; это, несомненно, объясняется тем, что в первые три века христиане подвергались жестокому преследованиям в Римской империи, и христианская святость, как правило, была связана с мученической смертью за веру. В IV–V вв. гонения прекратились, христианство стало официальной религией, и представления о святости приобрели новые черты — наиболее актуальными становятся сюжеты о подвижнической жизни, примеры аскетизма, помощи ближним и т. п. Как нам представляется, указание в этом случае на один житийный источник сужает смысловой объем образа героини; поскольку в тексте романа речь идет о двух вариантах пути к достижению святости, нужно учитывать житийные истории разных эпох.

Мария Египетская жила на рубеже V и VI вв., ее житие хорошо соответствует описанию Свидригайлова: она в молодости была блудницей, но затем раскаялась и 47 лет жила в пустыне, замаливая свои грехи и умерщвляя плоть. Б.Н. Тихомиров возражает против этого предположения на основании того, что Свидригайлов говорит о Египетской пустыне как месте подвижничества святой, на самом же деле святая подвизалась в Иорданской пустыне, а Египетской звалась по месту рождения. Но в данном случае определение «Египетская» нужно понимать как общее для множества сюжетов подвижнической жизни, оно не столь жестко связано с одним конкретным житийным текстом. Кроме того, данные слова вложены писателем в уста Свидригайлова, который дает синтетическую характеристику героине и во многом воспроизводит наивно-обыденное представление о христианской святости вообще и известной житийной истории в частности⁶.

2009. Вып. 4 (82). С. 156–157; *Климова М.Н.* Святость и соблазн (Образ Марии Египетской в русской литературе) // Вестник Томского государственного университета. 2013. №4 (24). С. 90–95.

⁴ *Назирова Р.Г.* О прототипах некоторых персонажей Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 1. С. 207–208.

⁵ *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Серебряный век, 2016. С. 449–450.

⁶ Отметим, что в одном из разговоров с Раскольниковым Свидригайлов упоминает широко освещавшийся в периодике 1861 г. светский скандал, вызванный публичным чтением повести А.С. Пушкина «Египетские ночи» и давший повод для острого осуждения «женского вопроса» (см.: *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении. С. 331–332). В результате

Таким образом, вторая часть суждения Свидригайлова не представляет большой проблемы, с большей долей вероятности здесь имеется в виду аскетический подвиг, который вполне может быть соотнесен с образом св. Марии Египетской; проблемой остается история, подразумеваемая в первой части. Обратим внимание на то, что жития св. Агаты и св. Феодулии, которые исследователи называют в качестве источников, являются краткими и не слишком оригинальными произведениями. В обоих случаях речь идет о девственницах-христианках, которые посвятили себя Богу и которых язычники-правители пытаются отвратить от христианского Бога, заставляя поклоняться своим идолам. Мученицы стойко переносили унижения и мучения и умерли в своей вере, в сохраненном девстве. В истории св. Агаты выразительной деталью является одна из пыток, применяемых к ней ее палачами, вот как это описано в пересказе Дмитрия Ростовского: «Военачальник велел слугам сильнее мучить Агафию, потом приказал железными клещами рвать ее сосцы и отрезать их»⁷. Аналогичная деталь присутствует и в истории св. Феодулии: «...мучитель, разгневавшись, велел обнажить святую и повесить ее за волосы на кипарисе и мучить ее железными раскаленными крючьями, обжигая ей сосцы»⁸.

Поскольку Свидригайлов упоминает раскаленные щипцы, которые жгут грудь святой, присутствие этой детали в житиях двух мучениц считается вполне убедительным и достаточным доказательством того, что именно их имел в виду Достоевский. Однако вряд ли писателя в житиях привлекли именно занимательные внешние детали, подчеркивающие половую принадлежность мучениц. История и мифология христианства выступали для Достоевского незаменимым источником идей, помогающих понять сущность человека и смысл его жизни; можно предположить, что и в данном случае для писателя первостепенной становится общая «модель» мученичества, подвижничества и самопожертвования ради истинной веры или ради близких. Именно поэтому, на наш взгляд, Достоевский подразумевает здесь *не одну конкретную житийную биографию, а целый их ряд*, причем запоминающиеся внешние подробности одних он сопрягает с глубоким и сложным идейным содержанием других. Истории св. Агаты и св. Феодулии, безусловно, дают яркий внешний образ женского мученичества, но подразумеваемое писателем содержание восходит к совсем другой истории⁹.

определение «египетский» вбирает в себя несколько очень разных смысловых аспектов: предельно современную проблему женской эмансипации, психологию любовных отношений, находящуюся в центре поэтической импровизации Пушкина о царице Клеопатре, и важный религиозный смысл, связанный с устойчивым представлением о «Египетской пустыне» как месте христианского аскетизма.

⁷ Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Дмитрия Ростовского. Кн. 6. Февраль. М., 2010. С. 71.

⁸ Там же. С. 76.

⁹ В исследовательской литературе влияние житийной традиции на творчество Достоевского прежде всего осмысляется в связи с текстом романа «Братья Карамазовы»,

В исследовательской литературе, как это ни странно, был упущен тот факт, что Авдотья Раскольникова носит имя известной христианской мученицы, история которой относится к началу II века. Житие св. Евдокии (русский вариант этого имени — Авдотья, Дуня) резко выделяется на фоне стандартных житийных историй своей чрезвычайной сложностью. Текст этого жития существенно превосходит по объему истории св. Агаты и Феодулии, но, что еще важнее, он поражает обилием невероятных деталей, сюжетных и психологических, и при сравнении с великим множеством достаточно схематичных житий временами обретает черты настоящего авантюрного романа.

в котором неоднократно упомянуты «Четьи-Миней» (сборники житийных и назидательных текстов для месячных чтений). Достоевский вполне определенно высказывался по поводу огромного значения житийных произведений для народного сознания: «...по всей земле русской чрезвычайно распространено знание Четьи-Миней <...>. А потому, что есть чрезвычайно много рассказчиков и рассказниц о житиях святых. Рассказывают они из Четьи-Миней прекрасно, точно, не вставляя ни одного лишнего слова от себя, и их заслушивают. Я сам в детстве слышал такие рассказы прежде еще, чем научился читать» (25, 214–215). Наиболее значимый для русской литературной традиции источник житийных сюжетов — это «Великие Четьи-Миней» митрополита Макария (1530–1541), однако с середины XVII века они не переиздавались полностью, частичное научное издание было предпринято Императорской Археографической комиссией в 1863–1916 гг. В записных книжках Достоевского за 1872 г. есть упоминание: «“Великие Миней-Четии” Макария (в Москве) у С. Т. Большакова в Малом Охотном ряду (пять выпусков) <...>» (27, 106). Как полагают комментаторы ПСС, вероятно, в этом фрагменте речь шла о сокращенном издании, сделанном А. Н. Бахметьевой (27, 372), которое многократно переиздавалось на протяжении второй половины XIX в. (первое изд.: М.: Тип. Бахметева, 1858–1859), одно из изданий имелось в библиотеке писателя: книга «Избранные жития святых, кратко изложенные по руководству Четьих-Миней, по месяцам в 12 книгах» отмечена в разделе философии и богословия каталога библиотеки Достоевского; см.: *Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарий.* М.; Пг., 1923. С. 44; Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб., 2005. С. 121. Тем не менее для XIX в. самым популярным источником житийных произведений были «Четьи-Миней» св. Дмитрия Ростовского (1684–1705). Достоевский лишь однажды упоминает имя Дмитрия Ростовского, в письме от 18 июля 1849 г.; находясь в крепости, он писал к М. М. Достоевскому: «Я здесь читал немного: два путешествия к св<ятым> местам и сочинения св<ятого> Дмитрия Ростовского. Последние меня очень заняли <...>» (28₁, 157). Комментаторы ПСС полагают, что Достоевскому было доступно последнее к этому времени издание «Сочинений св. Дмитрия митрополита Ростовского» (М., 1842) (28₁, 446). Современные исследователи подчеркивают популярность для народного сознания именно «Четьи-Миней» св. Дмитрия Ростовского в силу пристального внимания автора к сюжетам мученичества и страдания за веру, что, безусловно, близко христианским представлениям Достоевского (см.: *Ходзинский П., прот. Святитель Дмитрий Ростовский и Федор Михайлович Достоевский // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 1. Богословие. Философия. Религиоведение.* 2012. Вып. 5 (43). С. 23–32). Сочинения митрополита Дмитрия Ростовского многократно переиздавались на протяжении XIX в.: М., 1805–1807; 1818; 1827–1835; 1833–1835; 1842; 1849; 1857 (описание этих изданий см.: *Круминг А. А. Четьи Миней святого Дмитрия Ростовского: Очерк истории издания // Филевские чтения.* Вып. 9: Святой Дмитрий, митрополит Ростовский: Исследования и материалы / Ред. Л. А. Янковска. М., 1994. С. 5–52).

Евдокия Илиопольская — раннехристианская святая, которая жила в конце I — начале II в. в Гелиополе (Илиополе) в Финикии. Евдокия отличалась необычайной красотой и до своего обращения к святой жизни была блудницей, которая «многих безжалостно увлекала к гибели» и греховными делами собрала богатство, «чуть ли не равное царской казне»¹⁰. Вероятно, именно эта настойчиво прописанная деталь биографии Евдокии не позволяла исследователям признать возможность сопоставления ее с героиней романа Достоевского (хотя та же самая деталь в биографии св. Марии Египетской не кажется препятствием для ее сопоставления с Дуней). Однако еще раз повторим: писателя могла привлечь в этой истории не конкретная сюжетная линия, а ее главная идея — решимость женщины радикально сменить благополучную, но греховную жизнь на жизнь, полную лишений и страданий, а также сама проблема выбора между истинной и ложной формой реализации своей сущности. В истории св. Евдокии ложная и истинная формы реализации женского предназначения представлены с предельной наглядностью.

Достоевский считал святойю жизнь возможной для каждого, даже для человека, полностью отдавшего греху. И даже более того, трудный путь нравственного преобразования человека, осознавшего греховность своей жизни, и является, по мысли писателя, истинно христианским; вспомним старца Зосиму из последнего романа Достоевского: он приходит к истинно святой жизни только после того, как прошел по пути греха почти до убийства человека. Можно уверенно сказать, что Достоевский признавал подлинной и ценной только такую святость, к которой человек приходит, осознав силу зла в себе и обуздывая свои греховные порывы. Обратим внимание на тот факт, что в романе «Преступление и наказание» главной идейной линией является как раз обретение главным героем святости через преступление.

В истории св. Евдокии именно перелом в душе героини, изображенный психологически выразительно и подробно, становится главным содержательным элементом жития. Поворотный момент, приведший к ее преобразению, будто взят из романов Достоевского, где важнейшие события происходят по странному стечению обстоятельств и «вдруг». По соседству с домом богатой и известной блудницы Евдокии остановился монах Герман, причем стена его комнаты имела общую стену со спальней Евдокии, и ночью она услышала, как монах поет псалмы и славит Бога. Это удивило и поразило Евдокию, она решила более подробно узнать, кем был ее сосед и что значили его восторженные ночные слова. Из любопытства житийной героини и вырастает последующее преобразование блудницы в христианскую святую и мученицу. Этот сюжет не просто «в духе Достоевского», он буквально напоминает

¹⁰ Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Дмитрия Ростовского. Кн. 7. Март. М., 2010. С. 6.

ситуацию романа, когда Свидригайлов подслушивает из соседней комнаты разговор Раскольникова с Соней Мармеладовой и позже пересказывает Дуне то, что он услышал. Возникает вопрос о вероятности влияния жития святой Евдокии на сюжет «Преступления и наказания».

Дальнейшие беседы Евдокии с Германом полны важных психологических деталей: Евдокия, пораженная рассказом Германа о подлинном Боге и о грядущем суде над грешниками и награждении праведных, просит дать более убедительные доказательства существования Бога и его безраздельного господства над миром и человеком. Она и хочет поверить, и боится радикально изменить свою жизнь без гарантий того, что эта жизнь даст в конце неземное блаженство. Беседуя с пресвитером христианской общины, с которым ее свел Герман, Евдокия выражает свои сомнения: «...вот в чем я хочу увериться, отче: ужели, приняв христианскую веру, я могу иметь твердую и несомненную надежду на то, что приду к той бессмертной жизни, о которой ты говоришь? И какое ты мне дашь доказательство, чтобы увериться мне в справедливости твоих слов? Каким, наконец, образом узнаю я о прощении множества моих грехов вашим Богом? Ибо если именующиеся у меня богатства, которых с избытком хватит на всякие удовольствия и наслаждения в течение многих лет моей жизни, я раздам нуждающимся, как ты мне советуешь, а потом не получу обещанного тобою; тогда что может быть прискорбнее и затруднительнее этого последнего бедственного положения, из которого у меня уже не будет никакого выхода? Ведь люди, которых я оскорбила дурным к ним отношением, если б я вздумала у них попросить помощи в своем несчастье, с презрением отвернулись бы от меня. Потому я и печалюсь и смущаюсь, что недостаточно уверена в будущем. Мне хотелось бы большего знания и уверенности в том, что ты с таким великодушием обещаешь, ссылаясь на милосердие Бога вашего, легко прощающего грехи кающихся. Если я уверюсь в этом вполне, то спокойно уже стану раздавать все свое имение и пойду, куда ты зовешь меня, и буду служить Единому Богу все дни моей жизни и, как прежде я для многих служила образцом беззакония, так теперь буду лучшим образцом покаяния. И не удивляйся, отче, моим сомнениям: я впервые слышу все это, новое и неожиданное, чего в наших книгах и вере самарийской, в которой я воспитана, я никогда не только не слыхала, но даже и следа такого учения не находила»¹¹. В этой речи Евдокии можно уловить интонации, которые зазвучат в словах Великого инквизитора, высказывающего сомнения в твердости веры людей и признающего необходимость подкрепления их веры «чудом и авторитетом».

Преодолев свои сомнения, Евдокия все-таки решает изменить свою судьбу и для начала закрывается в своей спальне, чтобы провести семь дней в посте и молитве. В этот решающий момент жизни героини к ней

¹¹ Там же. С. 12–13.

являются ангелы, поддерживающие ее на выбранном пути, но одновременно с ними появляется некто «страшный видом, черный как сажа, уголь и смола»¹². Дьявол пытается отвести героиню от пути к Царствию Небесному, вернуть к старой греховной жизни. В житии подробно описан своеобразный спор ангельских и дьявольских сил о том, кто из них сильнее в своем господстве над людьми, здесь видна немного наивная, но художественно выразительная иллюстрация известного тезиса о битве Бога и дьявола в душе человека и за душу человека. Уместно вспомнить утверждение Дмитрия Карамазова о красоте как «загадке», как о «таинственной вещи», в которой «дьявол с Богом борется» (14, 100).

В конце концов Евдокия раздает все свое богатство бедным, отпускает на волю своих рабов и рабынь и уходит в монастырь, где через некоторое время становится настоятельницей. Далее в житийной истории происходит очень важный сюжетный поворот: один из бывших возлюбленных Евдокии по имени Филострат не смог забыть ее и разыскал в монастыре; выдав себя за кающегося грешника, он добился встречи с ней и, увидев ее, стал призывать вернуться к прежней жизни в земной любви и удовольствиях: «Кто лишил тебя великого города, где ты ходила украшенная прекраснейшими одеждами и все почитали тебя, удивлялись твоей красоте и прославляли тебя всякими похвалами? Какой обольститель от такого блаженства привел тебя в крайнюю нищету и убожество, в эту бедную и гнусную жизнь? И теперь весь Илиополь ищет тебя, все желают тебя видеть, самые стены твоих прекрасных палат плачут о тебе. Я высказываю народное желание, я от имени всех послан к тебе умолять тебя возвратиться в город и своим приходом прекратить народную скорбь. Послушай меня, госпожа, последуй за мною, уйди из этого жалкого монастыря, уйди от голода, смрадных одежд, от жесткой власяничной постели и возвратись опять в твои палаты, к прежним увеселениям, к прежним удовольствиям, бывшим у тебя в изобилии. Если ты и расточила свое богатство, напрасно раздав его чужим людям, — то все готовы вновь обогатить тебя. Зачем медлишь и колеблешься? Зачем, когда все тебя любят и желают тебе добра, ты сама делаешься себе врагом и мучителем? Не напрасно ли, не стыдно ли такую красоту лица скрывать в этой тьме иночества? Не напрасно ли такие очи, подобно солнечным лучам, испортить ненужным плачем и слезами?»¹³.

Евдокия не только осталась верна выбранному пути, она с гневом назвала Филострата сыном дьявола, воззвала к Иисусу Христу и дунула ему в лицо, после чего тот упал на землю мертвым. Однако затем по указанию Бога Евдокия воскресила его, и он, отступив от своих преступных помыслов, обратился в христианскую веру. В завершающей

¹² Там же. С. 17.

¹³ Там же. С. 27.

части жития невероятная власть Евдокии над жизнью и смертью людей становится лейтмотивом повествования: Евдокия воскрешает сначала сына царя, которого послали схватить ее, затем римского наместника и его воинов, павших под действием божественной силы, когда они начали мучить Евдокию, потом жену одного из военачальников, угоревшую в бане, затем садовника, укушенного змеей. Вероятно, во всей житейной литературе не найти второго персонажа, помимо св. Евдокии, который, овладев божественной силой, до такой степени легко распоряжался бы жизнью и смертью окружающих. Столь радикальное понимание человека и его способностей было возможно только в первые века христианства, позже церковь не признавала, что можно столь легко обрести божественные качества. Но Достоевский понимал христианство именно в таком радикальном смысле, об этом он писал в черновом наброске к «Дневнику писателя»: «Христианство является доказательством того, что в человеке может вместиться Бог. Это величайшая идея и величайшая слава человека, до которой он мог достигнуть» (25, 228). Если же в человеке «может вместиться Бог», он становится подобным Иисусу Христу и, значит, способен совершать такие же невероятные деяния, которые совершал Он, — например, воскрешать мертвых.

Однако этот важный для Достоевского мотив не затрагивает проблемы предназначения женщины; мы уверены, что в истории св. Евдокии он увидел более сложную мысль: изображение особой *женской* власти над жизнью — той власти, которая радикально отличает женщину от мужчины, способного только осмысливать, познавать и организовывать жизнь. Буквально эта способность относится к акту рождения ребенка, но это только наиболее явное и прямое проявление метафизической сущности женщины, — в полной мере раскрыв свою сущность, она способна и на более могущественные деяния. Главная способность женщины — любовь, а поскольку это божественная способность, то через нее она может отнимать жизнь у мужчин и возвращать их к жизни. При этом необходимо добавить, что только женщина, в полной мере раскрывая в себе противоречивую силу любви, познавшая свое могущество в любви, обретает способность отнимать и возвращать жизнь. Житейные сюжеты про святых-девственниц не могли дать возможности для осмысления этой загадочной способности. Истории блудниц, наоборот, должны были привлечь внимание Достоевского своим внутренним драматизмом: здесь женщины, раскрывая в себе силу любви, используют ее в греховных и низменных целях, но именно поэтому для них очень остро стоит проблема преображения и выбора истинного пути жизни. В этом смысле история св. Евдокии органично соотносится с историей св. Марии Египетской, и кажется естественным, что именно их Достоевский соединил в суждении Свидригайлова. В обоих случаях подробно описан процесс преображения блудницы в святую — в женщину, которая правильно понимает свое предназначение — дарование жизни и преображение жизни из греховной в праведную (в ту

истинную, вечную жизнь, о которой говорит Иисус Христос в Евангелии от Иоанна).

Нам кажется, что именно этот смысл увидел в житии св. Евдокии Достоевский и именно эту идею художественно выразил через образ Авдотьи Раскольниковой, придавая ей сходство с раннехристианской святой. Конечно, героиня романа не является блудницей, как святая Евдокия до своего преображения, но Дуня предстает перед нами в момент выбора между противоположными путями реализации своей женской сущности, которые соответствуют двум формам жизни, последовательно переживаемыми Евдокией. Решаясь выйти замуж за Лужина, Авдотья Раскольникова выбирает именно тот путь, по которому шла Евдокия в начале своей истории. Тот факт, что Дуня готова встать на него ради брата, по сути жертвуя собой, делает ее историю более трагической и жизненной, но не меняет сути ее поступка: она готова использовать свою красоту и свою любовь для получения богатства, которое разрешит жизненные проблемы ее близких.

Если говорить о наиболее заметных деталях, показывающих сходство образа святой и образа героини романа Достоевского, то самой очевидной из них является невероятная красота этих женщин. В житии присутствует важный эпизод, в котором римский наместник Диоген настолько поражен красотой Евдокии, что признает невозможным казнить ее:

«На четвертый день наместник Диоген сел на судилище и велел привести Евдокию. Увидев ее, смиренную видом, в плохой одежде, с опущенной головой, он приказал слугам открыть ей лицо, и оно тотчас заблестало, как молния. Изумился Диоген и долго молчал, удивляясь неизреченному благородству и красоте ее лица, сияющего Божественною благодатью. Долго созерцая ее красоту, он смутился духом и, обратившись к судьям, сказал:

— Клянусь моим богом солнцем! Нельзя предать смерти такую, подобную солнцу, красоту. Не знаю, как поступить!»¹⁴

В начале жития именно женская красота Евдокии позволяла ей собрать несметные богатства продажной любовью, теперь та же красота оказывается знаком божественной благодати. Огромная иррациональная сила воздействия красоты на мир и людей становится важнейшей темой в романе «Идиот»¹⁵, особенно в связи с красотой Настасьи Филипповны: «Такая красота — сила, <...> с такою красотой можно мир перевернуть!» (8, 69). Отметим интересную параллель: в романе «Идиот» очень большое значение имеет портрет Настасьи Филипповны, увидев его, Мышкин поражается красоте этой женщины и констатирует ее странный, невыразимый характер: «Эта ослепляющая красота

¹⁴ Там же. С. 33–34.

¹⁵ Об этом см.: *Киносита Т.* Понятие «красоты» в свете идей эстетики Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. М., 1994. Т. 11. С. 96–101.

была даже невыносима, красота бледного лица, чуть не впалых щек и горевших глаз; странная красота!» (8, 68). Но и в житии св. Евдокии красота героини характеризуется как трудная для изображения на живописном полотне: «Лицо ее было настолько красиво, что и художник затруднился бы изобразить эту красоту»¹⁶.

Именно такая, почти сверхъестественная красота является характерной чертой Дуни. Об этом многократно говорится в романе: «Авдотья Романовна была замечательно хороша собою — высокая, удивительно стройная, сильная, самоуверенная, что высказывалось во всяком жесте ее и что, впрочем, нисколько не отнимало у ее движений мягкости и грациозности. Лицом она была похожа на брата, но ее даже можно было назвать красавицей» (6, 157). Красота Дуни производит на мужчин неотразимое впечатление при первом же взгляде. Об этом несколько раз говорит Свидригайлов, который до самого конца не может преодолеть наваждения страсти, порожденной ее красотой. Даже циничный Зосимов, который пришел доложить матери и сестре о состоянии здоровья Раскольникова, подпадает под ее власть: «Заметив еще при входе, как ослепительно хороша собою Авдотья Романовна, он тотчас же постарался даже не примечать ее вовсе» (6, 159). Позже он не может сдержаться и передает свои впечатления Разумихину: «Однако, какая восхитительная девочка эта Авдотья Романовна! — заметил Зосимов, чуть не обливаясь, когда оба вышли на улицу. — Восхитительная? Ты сказал восхитительная! — заревел Разумихин и вдруг бросился на Зосимова и схватил его за горло» (6, 159). Намеренно сниженная, антипоэтическая характеристика, данная Зосимовым, именно своей «приземленностью» вызывает резкую реакцию влюбленного Разумихина. Красота героини подействовала и на расчетливого, рационального Лужина: «И вот мечта стольких лет почти уже осуществлялась: красота и образование Авдотьи Романовны поразили его» (6, 235). Красота — это знак тех возможностей любви, которые содержатся в сущности женщины. Но любовь может иметь очень разный смысл, эту внутреннюю противоречивость как любви, так и красоты демонстрирует история св. Евдокии; эта же противоречивость определяет внутреннюю драму Дуни Раскольниковой.

В житии св. Евдокии самым главным мотивом является отказ от греховной жизни и выбор иного пути реализации своей женской сущности, своей красоты и любви; этот же мотив присутствует в истории героини Достоевского, только, в отличие от святой, которая последовательно реализует сначала греховный путь, потом путь святости, Дуня изображена в момент решительного выбора между противоположными направлениями жизни. Достоевский показывает, что, в отличие от «сказочных» житийных историй, в реальной жизни греховность

¹⁶ Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Дмитрия Ростовского. Кн. 7. Март. С. 6.

и святость неразрывно связаны, один и тот же поступок содержит их в неразделимом единстве. Сюжет предполагаемого замужества Дуни со всей очевидностью обнаруживает это противоречие. С одной стороны, решимость на замужество можно понять как акт самопожертвования героини ради брата и матери, но, с другой стороны, очевидно, что здесь героиня выбирает греховную жизнь, где любовь становится объектом продажи, служит источником материальных благ. Двойственность поступка Дуни очевидна для Раскольникова, не случайно он говорит о ее предполагаемом замужестве: «этот брак — подлость» (6, 152) и готов отречься от сестры, считая ее грех более тяжким, чем грех Сони: «Понимаете ли вы, что лужинская чистота все равно, что и Сонечкина чистота, а может быть, даже и хуже, гаже, подлее, потому что у вас, Дунечка, все-таки на излишек комфорта расчет, а там просто-запросто о голодной смерти дело идет!» (6, 38).

Выразительный пункт сходства между житием св. Евдокии и историей Дуни — подробное и психологически насыщенное изображение сомнений героини при выборе жизненного пути. В романе Достоевского мотив выбора закреплен зрительным, можно даже сказать, сценическим, театральным жестом, сопровождающим все поворотные моменты биографии Авдотьи Романовны. Как описывает Пульхерия Александровна, перед тем как решиться на замужество, Дуня «не спала всю ночь <...>, встала с постели и всю ночь ходила взад и вперед по комнате; наконец стала на колени и долго и горячо молилась перед образом, а наутро объявила мне, что она решилась» (6, 32).

Затворничество Дуни напоминает аналогичный эпизод жития св. Евдокии, которая на семь дней затворилась в своей спальне, чтобы решиться на радикальное изменение своей жизни. После трудного объяснения Дуни с братом Пульхерия Ивановна следит за дочерью «которая, скрестив руки <...>, стала ходить взад и вперед по комнате, раздумывая про себя» (6, 157). Здесь же отмечено, что «такая ходьба из угла в угол, в раздумье, была обыкновенною привычкой Авдотьи Романовны, и мать всегда как-то боялась нарушать в такое время ее задумчивость» (6, 157). В более поздней сцене, в которой Разумихин пришел сообщить о состоянии Раскольникова, о героине сказано: «Авдотья Романовна то садилась к столу и внимательно вслушивалась, то вставала опять и начинала ходить, по обыкновению своему, из угла в угол, скрестив руки, сжав губы, изредка делая свой вопрос, не прерывая ходьбы, задумываясь» (6, 165).

Характеристика Дуни как христианской мученицы, возникшая в словах Свидригайлова, завершает ее художественный портрет в романе. Однако мотив страдания появляется в тексте при первом же упоминании о ней; в восклицании, с которого Пульхерия Александровна начинает рассказ о дочери, слышится характеристика мученического пути: «Слава тебе господи, кончились ее истязания...» (6, 28). Экспрессия слова «истязания» мотивирована общим тоном письма матушки,

но вместе с тем здесь сразу задается сопоставление с историями мучений ранних христиан. Перечисляя испытания, которые пережила Дуня в доме господ Свидригайловых и которые имеют сюжетное значение, матушка в своих замечаниях, в самой форме высказываний закрепляет мотив мученичества, который возник в самом начале. Она отмечает, что «Дуня терпит много от грубости в доме» (6, 28), констатирует, что «Дунечке было очень тяжело» (6, 28). Воскликает по поводу «гнусного» предложения Свидригайлова: «Можешь представить себе все ее страдания!» (6, 28). Рассказывает, как «Марфа Петровна даже ударила Дуню» (6, 29), сокрушается по поводу того, что возвращалась домой Дуня «оскорбленная и опозоренная» (6, 29). Мотив мученичества в отношении Дуни и избранного ею пути страдания повторяется неоднократно, с ним связаны слова Раскольникова, который говорит о предстоящем замужестве сестры: «На Голгофу-то тяжело всходить» (6, 35). Мученический мотив подчеркивается даже просто в виде фигуры речи; по поводу встречи матери и Дуни с Раскольниковым после долгой разлуки и долгого ожидания отмечено: «Обе вынесли крестную муку в эти полтора часа ожидания» (6, 150).

Тема мученичества возникает и в сознании Разумихина, уже через историческую ассоциацию. В «бедной одежде» Авдотьи Романовны и «скарденной обстановке» ее быта Разумихин видит королевское достоинство: «Разумихин с благоговением смотрел на Дуню и гордился, что поведет ее. “Та королева, — думал он про себя, — которая чинила свои чулки в тюрьме, уж конечно, в ту минуту смотрела настоящею королевой и даже более, чем во время самых пышных торжеств и выходов”» (6, 169). Б. Н. Тихомиров отметил, что это сопоставление Дуни с Марией Антуанеттой, королевой-узницей, которая ожидает казни, связана с ее характеристикой как первомученицы, данной Свидригайловым¹⁷. Заметим, что сменить «драгоценные одежды» на «плохие» должна была и св. Евдокия при своем преображении.

Мотив мученичества является принципиальной чертой, которая связывает Раскольникова и Дуню, брата и сестру. Порфирий Петрович следующим образом характеризует Раскольникова в 6-й части романа: «Я вас почитаю за одного из таких, которым хоть кишки вырезай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей, — если только веру иль Бога найдет» (6, 351)¹⁸. В своем размышлении Порфирий Петрович объединяет Раскольникова и Миколку, а представление о Миколке как христианском страдальце можно считать устойчивым в комментариях и исследованиях. Кроме данного эпизода, можно вспомнить, что в размышления Раскольникова о последних минутах жизни приговоренного

¹⁷ Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении. С. 266–267.

¹⁸ ²⁰ Об этом см.: Мейер Г. А. Свет в ночи (о «Преступлении и наказании»). Опыт медленного чтения. Frankfurt a. M., 1967. С. 409.

к смерти встраиваются элементы, отсылающие к знаменитым примерам христианского аскетизма: «Где это, — подумал Раскольников, идя далее, — где это я читал, как один приговоренный к смерти, за час до смерти, говорит или думает, что если бы пришлось ему жить где-нибудь на высоте, на скале, и на такой узенькой площадке, чтобы только две ноги можно было поставить, — а кругом будут пропасти, океан, вечный мрак, вечное уединение и вечная буря, — и оставаться так, стоя на аршине пространства, всю жизнь, тысячу лет, вечность, — то лучше так жить, чем сейчас умирать!...» (6, 123). «Жить где-нибудь на высоте» и оставаться, «стоя на аршине пространства», — эти фрагменты напоминают образы столпников и аскетов, живущих в горах.

Два жизненных полюса судьбы женщины — блудница и целомудренная девственница — постоянно упоминаются в романе в самых разных контекстах, но по отношению к Дуне они наиболее явно сходятся. С одной стороны, в сознании Раскольникова судьба сестры вполне соотносится с судьбой блудницы, ее будущее представляется герою во всем драматизме. После встречи с опозоренной девочкой на бульваре Раскольников размышляет о неминуемом «проценте» погибших: «Это, говорят, так и следует. Такой процент, должен уходить каждый год... <...>. А что, козь и Дунечка как-нибудь в процент попадет!.. Не в тот, так в другой?..» (6, 43). И замужество сестры Раскольникову видится как откровенная «продажа»: «Ты не можешь уважать Лужина: я видел его и говорил с ним. Стало быть, продаешь себя за деньги, и, стало быть, во всяком случае поступаешь низко, и я рад, что ты, по крайней мере, краснеть можешь!» (6, 179).

С такой оценкой замужества сестры вполне согласуется «прогрессивное» отношение к «женскому вопросу», которое в романе пропагандирует Лебезятников: «Петр Петрович <...> промолчивал, если Андрей Семенович приписывал ему готовность способствовать будущему и скорому устройству новой “коммуны” где-нибудь в Мещанской улице; или, например, не мешать Дунечке, если той, с первым же месяцем брака, вздумается завести любовника» (6, 280). Но, с другой стороны, Свидригайлов, гордясь тем, что он «понял» Дуню, говорит: «Она целомудренна может быть, до болезни, несмотря на весь свой широкий ум, и это ей повредит» (6, 365).

Невероятно красивые женщины, подобные святой Евдокии и Авдотье Раскольниковой, в наибольшей степени реализуют в себе женскую сущность, именно поэтому они предназначены для любви и вызывают у большинства окружающих мужчин неудержимую страсть. И женщина может либо бездумно отдаться этой стихийной силе — и тогда она приведет ее к греху, либо упорно противостоять ей, в результате чего она обретает способность властвовать над страстно увлеченными ею мужчинами. Здесь мы подходим к наиболее важному сюжетному и идейному сходству между историями св. Евдокии и Дуни. В центре обеих историй находится сюжет страстной любви, которую женщина

сначала принимает, но потом отвергает, обретая через это сверхъестественную власть над мужчиной, власть убивать и воскрешать. Св. Евдокия буквально реализует эту власть, сначала убивая, а потом воскрешая своего бывшего возлюбленного Филострата; в истории страстной любви Свидригайлова к Дуне власть над его жизнью и смертью предстает столь же зримо, хотя не буквально, а метафорически.

Впервые о страсти Свидригайлова рассказывает матушка в письме к Раскольникову, следующим образом излагая историю: «Представь себе, что этот сумасброд давно уже возымел к Дуне страсть, но все скрывал это под видом грубости и презрения к ней. Может быть, он и сам стыдился и приходил в ужас, видя себя уже в летах и отцом семейства, при таких легкомысленных надеждах, а потому и злился невольно на Дуню» (6, 28). В письме подчеркнута фатальность возникшей страсти, невозможность сопротивляться ей. Сам Свидригайлов похожим образом описывает Раскольникову свое положение: «...и я способен прельститься и полюбить (что уж, конечно, не по нашему велению творится), тогда все самым естественным образом объясняется. Тут весь вопрос: изверг ли я или сам жертва? Ну а как жертва? Ведь предлагая моему предмету бежать со мною в Америку или в Швейцарию, я, может, самые почтительнейшие чувства при сем питал, да еще думал обоюдное счастье устроить!.. Разум-то ведь страсти служит; я, пожалуй, себя еще больше губил, помилуйте!..» (6, 215). В другом разговоре с Раскольниковым Свидригайлов еще раз отчетливо соотносит красоту и фатальность страсти, ведущей к греховности: «Черт возьми, зачем же она так хороша? Я не виноват! Одним словом, у меня началось с самого неудержимого сладострастного порыва» (6, 365). При чем результатом такой страсти может быть не только грех прелюбодеяния, но и преступление, о чем тоже говорит Свидригайлов: «Верите ли, я до того тогда врзался, что скажи она мне: зарежь или отрави Марфу Петровну и женись на мне, — это тотчас же было бы сделано!» (6, 367).

При этом Свидригайлов достаточно явно намекает на то, что Дуня не осталась равнодушной к нему и готова была ответить на его страсть. Говоря о воздействии на женщин «лести», Свидригайлов констатирует, что умелая лесть подействовала и на Дуню: «Надеюсь, что вы не рассердитесь, если я упомяну теперь, что тот же самый эффект начал сбываться и с Авдотьей Романовной» (6, 366). Дуня была готова принять возвышенную любовь, ведущую к «возрождению» падшего, греховного человека, каковым она справедливо полагала Свидригайлова, и он тонко сыграл на этом чувстве. В своем рассказе Раскольникову Свидригайлов восклицает: «Ну, хотите, я вам расскажу, как меня женщина, говоря вашим слогом, “спасала”? Это будет даже ответом на ваш первый вопрос, потому что особа эта — ваша сестра» (6, 363). При этом Свидригайлов демонстрирует проницательность и знание сложных душевных движений: «А когда сердцу девушки станет *жаль*, то, уж разумеется, это для нее всего опаснее. Тут уж непременно захочется и “спасти”,

и образумить, и воскресить, и призвать к более благородным целям, и возродить к новой жизни и деятельности» (6, 365). Интересно, что Свидригайлов усматривает и современное социальное звучание в желании женщины обратить мужчину к новой совестливой жизни: «Вот до какой силы доходит у иных девушек страсть к пропаганде!» (6, 366). Только поняв, что Свидригайловым движут исключительно низменные чувства, героиня отталкивает его: «Да я сам был глуп и нетерпелив и все дело испортил. Авдотье Романовне еще несколько раз и прежде (а один раз как-то особенно) ужасно не понравилось выражение глаз моих, верите вы этому? Одним словом, в них все сильнее и неосторожнее вспыхивал некоторый огонь, который пугал ее и стал ей наконец ненавистен» (6, 367).

Здесь снова проступает сходство истории Дуни и Свидригайлова с историей Евдокии и Филострата, различие между ними только в том, что в литературном сюжете любовь и ненависть неразрывно соединены в душе женщины и присутствуют первоначально только в скрытой, потенциальной форме, в житийном произведении они реализованы последовательно и в полной мере — в виде состоявшейся любовной истории и убийства.

Сцена последнего объяснения Свидригайлова и Дуни, до конца обнажающая невероятную страсть героя и демонстрирующая невероятную силу воли героини, выглядит точным повторением сюжета убийства и воскрешения Евдокией Филострата. Филострат обманом проникает к Евдокии, выдавая себя за кающегося грешника, точно так же Свидригайлов, убеждая Дуню прийти к нему, клянется в том, что преодолел свою страсть и хочет загладить свою вину перед Дуней, оказав помощь ее брату. Оба героя, несмотря на попытку обмана, не могут скрыть своего непреодолимого чувства и, даже понимая обреченность своих усилий, убеждают женщину разделить их страсть и бежать с ними. Евдокия, возмущенная обманом и попыткой отвлечь ее от выбранного пути, убивает Филострата, точно так же поступает и Дуня: она дважды стреляет в Свидригайлова и не убивает только по невероятному стечению обстоятельств. Испытывая чувство жалости к Филострату, Евдокия воскрешает его для новой, преобразованной жизни. Точно так же и Дуня отбрасывает револьвер, хотя, выстрелив в третий раз, наверняка убила бы Свидригайлова; этот поступок, и ее мученическая готовность принять все испытания (слова «мучить», «страдание» в отношении Дуни повторяются в сцене несколько раз), вызывает в герое благородные чувства: Свидригайлов отпускает Дуню и совершает целый ряд добрых поступков, спасающих Соню Мармеладову и ее маленьких брата и сестру. Получается, что героиня, воздействуя на его совесть, смогла повернуть его к новой, праведной жизни.

Отметим, что в момент решимости Дуни на убийство вновь говорится о ее необычайной красоте, которая здесь является дополнением

жестокости: «Никогда еще он не видал ее столь прекрасною. Огонь, сверкнувший из глаз ее в ту минуту, когда она поднимала револьвер, точно обжег его, и сердце его с болью сжалось» (6, 381–382). Мучеником в этом фрагменте является и Свидригайлов. Происходит своего рода перемена ролей: страдающая жертва превращается в жестокую преступницу (Дуня дважды стреляет в Свидригайлова), а мучитель своим страстным порывом не позволяет совершиться преступлению: «Он стоял пред нею в двух шагах, ждал и смотрел на нее с дикою решимостью, воспаленно-страстным, тяжелым взглядом. Дуня поняла, что он скорее умрет, чем отпустит ее. “И... и уж, конечно, она убьет его теперь, в двух шагах!..” Вдруг она отбросила револьвер. — Бросила! — с удивлением проговорил Свидригайлов и глубоко перевел дух» (6, 382). Об этой двойственности своего положения Свидригайлов говорит Раскольникову: «...изверг ли я или сам жертва?» (6, 215).

Красота Дуни вызывает страсть не только в порочном Свидригайлове, но и в благородном и немного наивном Разумихине: «Он стоял с обеими дамами, схватив их обеих за руки <...>, как в тисках, сжимал им обеим руки до боли и, казалось, пожирал глазами Авдотью Романовну, нисколько этим не стесняясь <...>. Авдотья Романовна хоть и не пуливого была характера, но с изумлением и почти даже с испугом встречала сверкающие диким огнем взгляды друга своего брата <...>» (6, 153). На эту страсть Дуня в конце концов отвечает — выходит замуж за Разумихина, это и оказывается для нее благим путем жизни, обретенным внезапно, в тот момент, когда она уже почти вступила (хотя и под влиянием благородных мотивов) на путь греховной жизни.

Хотя в романном портрете Авдотьи Раскольниковой совершенно очевидно проступают черты св. Евдокии, нужно признать, что житийный образ последней не обрел полного отражения в романе «Преступление и наказание»: через лаконичную биографию Дуни трудно было дать его современное художественное воплощение. Однако в романе «Идиот» Достоевский создал гораздо более сложный и противоречивый женский образ — образ Настасьи Филипповны, через который система нравственных коллизий, заключенная в житии св. Евдокии, была осмыслена с исчерпывающей полнотой. В истории Настасьи Филипповны, в молодости бывшей блудницей поневоле и разрывающейся между возвращением к греховной, страстной жизни, к которой влечет ее Рогожин, и святой жизнью, которая кажется возможной через союз с князем Мышкиным, история святой проступает с еще большей очевидностью. Но соотнесение св. Евдокии и Настасьи Филипповны является самостоятельной исследовательской задачей. На данном этапе для нас было важно показать, как смысловой потенциал жития св. Евдокии реализуется в романном образе Авдотьи Раскольниковой, обозначая самые разные аспекты (от мифологических до бытовых) представления об истинном предназначении женщины.

Библиографический список

- Гроссман Л. П.* Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарий. М.; Пг., 1923. 120 с.
- Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Дмитрия Ростовского. Кн. 7. Март. М., 2010. 418 с.
- Киносита Т.* Понятие «красоты» в свете идей эстетики Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 11. М., 1994. С. 96–101.
- Климова М. Н.* К изучению житийной традиции в русской литературе XIX–XX веков // Вестник ТГПУ. 2009. Вып. 4 (82). С. 156–161.
- Климова М. Н.* Святость и соблазн (Образ Марии Египетской в русской литературе) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 4 (24). С. 90–95.
- Комарович В. Л.* Литературное наследство Достоевского за годы революции. Обзор публикаций 1917–1933 гг. // Комарович В. Л. «Весь устремление»: Статьи и исследования о Ф. М. Достоевском / Сост., отв. ред. и автор вступит. статьи О. А. Богданова. М., 2018. С. 458–493.
- Круминец А. А.* Четыре Миней святого Дмитрия Ростовского: Очерк истории издания // Филевские чтения. Вып. 9: Святой Димитрий, митрополит Ростовский: Исследования и материалы / Ред. Л. А. Янковска. М., 1994. С. 5–52.
- Мейер Г. А.* Свет в ночи (о «Преступлении и наказании»). Опыт медленного чтения. Frankfurt a. M., 1967. 517 с.
- Назиров Р. Г.* О прототипах некоторых персонажей Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 1. Л., 1974. С. 202–219.
- Сараскина Л. И.* Возлюбленная Достоевского: Аполинария Суслова: биография в документах, письмах, материалах. М., 1994. 456 с.
- Тихомиров Б. Н.* «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2016. 558 с.
- Ходзинский П., прот.* Святитель Дмитрий Ростовский и Федор Михайлович Достоевский // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 1. Богословие. Философия. Религиоведение. 2012. Вып. 5 (43). С. 23–32.

I. Yu. Matveeva, I. I. Evlampiev

AVDOTYA ROMANOVNA RASKOLNIKOVA: ON THE QUESTION OF HAGIOGRAPHIC SOURCES OF THE IMAGE

The article proves that the hagiographic sources traditionally cited in the research literature to interpret the image of Avdotya Romanovna Raskolnikova are insufficient to fully reflect its content; in this regard, attention is drawn to the early Christian martyr St. Eudokia. Her story clearly shows that the essence of a woman is in beauty and in love, but the realization of this essence can be very different. A woman must choose between a sinful and a righteous life, and if she chooses a righteous one, then her inherent power of love will turn into a divine

power that is capable of taking life from a man and giving him life. Having decided to marry Luzhin in order to ensure a rich life for herself and her family, the heroine of the novel faces such a choice. Overcoming the temptation to sin, she finds her true essence and magical power over men; this is clearly expressed in the scene where she can kill Svidrigailov, but gives him life and directs him to the path of virtue.

Key words: Avdotya Raskolnikova, the life of Saint Eudokia, the essence and destiny of a woman.

References

- Grossman L. P. *Seminary po Dostoevskomu. Materialy, bibliografiya i kommentariy.* Moscow; Petrograd, 1923. 120 p. (In Russ.)
- Khodzinskiy P., prot. Svyatitel' Dmitriy Rostovskiy i Fedor Mikhaylovich Dostoevskiy. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1. Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie.* 2012, iss. 5 (43). P. 23–32. (In Russ.)
- Kinosita T. Ponyatie “krasoty” v svete idey estetiki Dostoevskogo. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya.* Vol. 11. Moscow, 1994. P. 96–101. (In Russ.)
- Klimova M. N. K izucheniyu zhitiynoy traditsii v russkoy literature XIX–XX vekov. *Vestnik TGPU.* 2009, iss. 4 (82). P. 156–161. (In Russ.)
- Klimova M. N. Svyatost' i soblazn (Obraz Marii Egipetskoy v russkoy literature). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2013, no. 4 (24). P. 90–95. (In Russ.)
- Komarovich V. L. Literaturnoe nasledstvo Dostoevskogo za gody revolyucii. Obzor publikacij 1917–1933 gg. In: Komarovich V. L. “*Ves' ustremlenie*”: *Stat'i i issledovaniya o F. M. Dostoevskom*, ed. by O. A. Bogdanova. Moscow, 2018. P. 458–493. (In Russ.)
- Kruming A. A. Chet'i Minei svyatogo Dimitriya Rostovskogo: Ocherk istorii izdaniya. In: *Filevskie chteniya. Iss. 9: Svyatoy Dimitriy, mitropolit Rostovskiy: Issledovaniya i materialy*, ed. by L. A. Yankovska. Moscow, 1994. P. 5–52. (In Russ.)
- Meyer G. A. *Svet v nochi (o “Prestuplenii i nakazanii”). Opyt medlennogo chteniya.* Frankfurt a. M., 1967. 517 p. (In Russ.)
- Nazirov R. G. O prototipakh nekotorykh personazhey Dostoevskogo. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya.* Vol. 1. Leningrad, 1974. P. 202–219. (In Russ.)
- Saraskina L. I. *Vozlyublennaya Dostoevskogo: Apollinariya Suslova: biografiya v dokumentakh, pis'makh, materialakh.* Moscow, 1994. 456 p. (In Russ.)
- Tikhomirov B. N. “Lazar'! gryadi von”. *Roman F. M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie” v sovremennom prochtenii: Kniga-kommentariy.* 2nd ed. Saint Petersburg, 2016. 558 p. (In Russ.)
- Zhitiya svyatykh na russkom yazyke, izlozhennye po rukovodstvu Chet'ikh-Miney svyatogo Dimitriya Rostovskogo*, vol. 7, mart. Moscow, 2010. 418 p. (In Russ.)